

УДК 111.1:93

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ: ОТ ПРОШЛОГО К БУДУЩЕМУ

Ф.Н. Нагой

Начиная с французских просветителей развитие философии истории обнаруживает диалектическую взаимосвязь историзма как способа мышления (онтологический аспект) с историзмом как принципом познания (гносеологический аспект), что формирует парадигму истории как образ единой истории на длительные периоды времени. Современное видение истории соединяет как перспективный, так и ретроспективный подходы, интенциональный и критический взгляд на историю, включая идею обратимости исторического времени. Наряду с традиционным видением истории актуализируется запрос на нерелятивистскую плюралистическую и диалогическую философию истории.

Ключевые слова: философия истории; онтологическая модель; гносеологическая модель; интенциональность; критическая история; герменевтика; структуралистский подход; плюралистическая истина; аксиология.

Какой тип социальной памяти нужен человеку и обществу сегодня? Современный человек постоянно сталкивается с многообразием, сложностью и давлением мира, отдельные истории, внушаемые ему средствами массовой информации и не связанные в одну систему, — благоприятная почва для манипуляции единичным и общественным сознанием.

Отметим, что философское познание предполагает утверждение определенной реальности с ее последующим исследованием (поэтому философия есть область реального). В этой связи к особенностям исторического познания принято относиться: принадлежность субъекта и изучаемого им явления одному целому — истории (историческое познание — самопознание общества); качественную незавершенность процесса развития истории. Открытость движения истории приводит к изменениям не только общетеоретических представлений историка, но и его конкретно-исторических взглядов и оценок тех или иных событий. Следует подчеркнуть, что это не только развитие знания как такового, но и такое его развитие, которое обусловлено движением самой истории, что актуализирует данное направление исследований.

Исторический опыт, уроки истории представлены историческим познанием и обеспечены историческим сознанием. История учит, но она не может заставить учиться. Общим условием извлечения уроков из истории является наличие не-

которого объективного сходства между реальной ситуацией и событиями прошлого. По мнению Г.В.Ф. Гегеля, если такого сходства нет, то нет возможности опираться на это прошлое. Извлеченный опыт не только схема, которая переносится из прошлого на современную ситуацию, но и признание индивидуального своеобразия конкретных событий и целых эпох в их отношении к современным ценностным ориентирам.

Вспомним, что понятие «философия истории» введено в философский оборот в работах просветителей, Гегелем были впервые прочитаны лекции по философии истории. Укрепили эту традицию онтологические (субстанциональные) модели философии истории (метаистория), и с самого начала историзм как способ мышления (онтологический аспект) диалектически связан с историзмом как принципом познания (гносеологический аспект), требующим изучения явлений в генезисе и развитии, конкретно-исторической обусловленности и индивидуальности.

Основной чертой господствовавшего в XIX в. образа истории (парадигмы истории) являлось убеждение в научности истории, ее способности давать достоверное знание о своем предмете, не зависящее от субъективных пристрастий автора и имеющее объективно-истинный характер, создающее отображение, а не оценку. Следовательно, задача историка — обнаружить непреложные исторические факты, а затем на их основе вы-

строить прочное здание исторической концепции. Отсюда характерный для этого столетия масштаб исторического исследования, в котором на обширном фактическом материале в широких пространственно-временных границах формулировались исторические законы, не только объясняющие прошлое, но и проясняющие настоящее, а также предсказывающие будущее.

История выступала как направленный, имеющий смысл процесс, и хотя этот смысл разными историками понимался по-разному, общим для всех являлось убеждение в несомненности и единстве прогресса, что и позволяло выявлять единые его критерии. Можно многое не знать, но понимать все — такова удивительная особенность историографии XIX в., отраженная в признании Ф. Гизо: «В истории человечества есть для меня пробелы, огромные пробелы, но тайн для меня нет. Я многого не знаю, миллионы событий мне неизвестны, но ни одно меня не удивляет» [3, с. 19–20]. Как ни одна другая наука в это время, история соответствовала самому духу века, который справедливо называли историческим. «Наш век, — пояснял В.Г. Белинский, — век по преимуществу исторический. Все думы, все вопросы наши и ответы на них, вся наша деятельность вырастает из исторической почвы и на исторической почве» [1, с. 518].

Еще одна черта парадигмы исторической науки XIX в. — ее последовательный монизм. Одни мыслители видели доминирующий фактор исторического прогресса в развитии производства, другие — в действии божественного Провидения, третьи — в движении Абсолютного духа, четвертые — в прогрессе человеческого разума и т.д., но всех объединяло убеждение в существовании некоего начала, обуславливающего прямо или опосредованно все развитие человеческого общества, в особенности — изменение его институциональных форм.

Так, европоцентристская парадигма, явно или имплицитно рассматривавшая европейскую цивилизацию как эталонную и выстраивавшая по ее подобию образ истории, выступила основой «функционалистских» подходов к истории — позитивизма и марксизма. Влияние позитивизма на историков было в XIX в. неизмеримо большим, чем влияние марксизма, но в XX в. марксизм стал весьма заметной парадигмой социально-гуманитарных наук.

Основоположник позитивизма О. Конт считал, что человеческое общество является продолжением природы: человек сближался со всеми

другими живыми существами, общество — с природой (например, железные дороги сравнивались с кровеносной системой живого организма). Отсюда следовало, что общественные законы едины с законами естественных наук. Не отдавая предпочтение ни одному из факторов, историки-позитивисты вместе с тем в исследовательской практике подчеркнуто усиливали значение одного.

К. Маркс использовал научные принципы и создал прообраз системного подхода к изучению общественных проблем. Автор системного метода Л. фон Берталанфи высоко ценил вклад К. Маркса в разработку методологии исследования систем.

Назовем основные регулятивные принципы марксистской диалектики: объект познания должен рассматриваться во всем реальном многообразии; постановка научной проблемы не должна иметь никаких ограничений; никакой метод научного познания не может быть абсолютным и для успешного решения исследовательской задачи необходимо применение различных, адекватных ее сути методов. При такой интерпретации конкретно-научных фактов и раскрытии сущности исследуемых явлений должно учитываться воздействие на них других факторов, т.е. подход к объяснению должен быть самым широким. Маркс исходил из идеи универсализации всемирно-исторических связей, наличия всеобщего труда. Он полагал, что человечество делает решительный шаг к единению с установлением капиталистических отношений. Не случайно его теорию последовательной смены общественно-экономических формаций критикуют, прежде всего, за чрезмерную склонность к выявлению универсальных всеобщих законов исторического развития, не учитывающую природу человека как существа, обладающего определенной свободой выбора.

Вместе с тем предложенное Марксом истолкование истории как результата всеобщего труда — итога деятельности человечества как единого целого, его мысли о членении ее на формационные ансамбли, о постоянной универсализации всемирных социальных связей представляют интерес и сегодня. Современно звучит и тезис о постижении прошлого в его связи с настоящим сквозь призму результатов социально-практического действия, способных менять горизонт понимания смысловой целостности истории. Многие известные сегодня теории — результат критики марксизма. Под воздействием марксизма сложилось социологическое направление, исследу-

дующее связи истории с социальными отношениями.

Так, Э. Дюркгейм отстаивал необходимость распространения рациональных (позитивистских) методов на познание общества, которое рассматривалось как интегрированное целое, состоящее из взаимосвязанных элементов. Иными словами, общество — это целостная система, органически-ми элементами которой являются экономические, географические и иные факторы, а также «коллективные представления» (общие идеи, верования, моральные нормы, мотивы деятельности), образующие в своей совокупности некоторую целостность, изучение которой требует применения по образцу естественных наук объективных методов.

А. Берр известен как создатель теории исторического синтеза, постулировавшей, что история и философия должны стать двумя главными аспектами будущей науки, которая приобретет характер исторического синтеза. Речь шла о науке как умозрительной, так и основанной на практике, ретроспективной и обращенной в будущее. Такая наука противопоставлялась утратившей себя фактографической «историзирующей истории».

В свою очередь М. Вебер подверг критике марксистскую идею о первичности «базиса» по отношению к «надстройке», считая, что марксизм всегда хорош как пропедевтика и плох как догма. В целом совокупность веберовских исторических идей может быть обозначена как социология политических отношений и власти. Вебер искал различия и взаимосвязи между тремя основными сферами общественной жизни: властью, экономикой и ценностями. Экономика создает преимущества, но необходимо наличие определенной системы ценностей и убеждений, на которых покоится послушание управляемых.

Марксистский взгляд на историю повлиял на становление конфликтологических теорий ее понимания. Например, Р. Дарендорф видел причину формирования конфликтных групп в обществе в отношениях господства и подчинения, отсюда определение классов как конфликтующих неоднородных социальных групп, имеющих разные жизненные шансы, которые выступают как проявления двух возможностей — выбора (свободы) и социальных связей (неравенства).

Мы видим, как личная философия историка диктует ему выбор системы мышления, в соответствии с которой он будет действовать, воссоздавая и объясняя прошлое. Так возникает пони-

мание бессмысленности идеологического противостояния историков, когда необходим синтез идей и методов. Вечная философия истории невозможна, так же, как вечная философия, и приходится отказаться от претензии на возможность создания неких универсальных и абсолютных теорий, а значит, и методов исторического познания. Как следствие, известные философско-исторические теории позволяют выработать ограниченные концепции исторического развития.

Подтверждая сказанное выше, К. Поппер видит основную задачу историзма социальных наук в предсказании, что возможно, когда в основе исторической эволюции выявляются «ритмы», «схемы», «законы» или «тенденции». Каких-либо объективных, не зависящих от человека законов, по которым развивается история, не существует. Пророчества невозможны в силу того, что люди обладают воображением, а соответственно всегда имеют определенную свободу выбора. Поэтому реальны только краткосрочные прогнозы. Такого рода предсказания можно назвать технологическими, поскольку они образуют базу для социальной инженерии. Это конструктивные предсказания, они знакомят нас с шагами, которые мы можем предпринять, если желаем достигнуть определенных результатов. Для такой технологической методологии исторический опыт служил бы важнейшим источником информации. Согласно К. Попперу, теория должна помогать действию, т.е. нам изменять наши действия. В частности, «задача теоретических социальных наук — пытаться предвидеть непреднамеренные последствия наших действий» [4, с. 322].

Таким образом, историческое познание осуществлялось как поиск метода, адекватного природе объекта, движение к истинному знанию происходило как постепенное устранение несоответствия метода (и знания, получаемого с помощью этого метода) объекту.

После Второй мировой войны в познании истории формируются концепции социального, в основе которых лежит идея множественности социального времени. «Ткань» истории, по мнению Ф. Броделя, формирует взаимодействие различных типов времени: «длительного времени», регулируемого столетними (тысячелетними) природными изменениями; «социального времени», связанного с изменениями социальных структур в пределах столетий; «событийного, поверхностного времени», что отрицает возможность объяснения истории господствующим фактором.

Новая история в 80-х гг. — «история молчаливого человечества», как море, на поверхности которого плавают исторические события, а в глубине существует анонимный народ. Необходимо проникнуть в глубины, поставив в центр исследования не героя, а безымянного человека и его повседневную жизнь. Возникает иная форма интеллектуального и морального исторического авторитета, о чем свидетельствуют рост числа исторических бестселлеров и других изданий, отличающихся от академических. Вновь развитие исторического знания стало для философии истории потерей программы и единства. Такие ситуации стали называть «историографическим взрывом» или пессимистически — «историей в осколках». Иными словами, возник некий «хаотический позитивизм», находящий свое выражение в «теории равноправных факторов». Эмпирический подход уводит историка в мир случайностей и позволяет объяснять события любыми факторами, последствия — субъективизм и произвол историка.

Философская ситуация постмодерна выросла из глубокого сомнения в способности философии быть основой мировоззренческого единства, отказа от попыток систематизации представлений о мире в замкнутую философскую систему. «Кризис духа» XX в. ознаменовался полной потерей доверия и к гуманизму и к рационализму как к спекулятивным и подозрительным идеалам. Постмодернизм пронизан недоверием к логическим формам, к высказываниям, в которых видится, прежде всего, дискурс власти, скрытое насилие и предпринимается попытка преодолеть заложенную в них предсказуемую рациональность. Изучая структуру языка, постмодернисты утверждают ценность «языка-в-себе» и вместе с тем свободное, ассоциативное и творческое мышление, не воспринимающее бытие как изначально обладающее логикой и закономерностью.

В философии истории такой подход означает отрицание смысла истории. С этой позиции история является не наукой, не искусством, а чем-то третьим — искусной игрой слов, подменяющей реальное, где метафоры истории как науки или истории как искусства отражают структуру власти, которая вводит эти метафоры в игру. Философы, которые отвергают классическую модель, отрицают возможность увидеть историю как смысловую целостность, т.к., по их мнению, прогресс в истории есть лишь одна из возможных моделей познания действительности, а не объективно существующее явление.

Таким образом, «идеологическая» составляющая гуманитарного познания абсолютизируется в концепциях философского постмодернизма, согласно которым в науке воплощена воля к власти. Возможный выход из-под диктата власти — в отказе от так называемого «истинного», «научного» познания. Вследствие такой установки возникает фрагментация предмета гуманитарного знания и многообразие «объектов», конструируемых исследователями. Можно сказать, что, отбрасывая категории истины и объективности, постмодернизм обрекает гуманитарные науки на методологический хаос или методологический плюрализм.

В современных условиях задачей профессионального историка становится противостояние социально мотивированным ложным истолкованиям прошлого. Однако при преодолении «ложного» истолкования прошлого невозможно отказаться от «социально мотивированного» исторического знания. Ложное выявляется только в сопоставлении с истинным, а взгляд историка обусловлен как социальными, так и психологическими (а часто и идеологическими) факторами. Кроме того, современный историк стремится соответствовать социальному запросу на разнообразие исторических описаний.

Представляет интерес подход Х. Уайта, применившего методы литературоведения к исследованию исторических произведений. В работе «Метаистория» он указал на связь содержания и формы изложения исторического сочинения. В современных условиях глубинными структурами рассуждений становятся нарративные (повествовательные) и дескриптивные (описательные) механизмы, которым присуща своя логика. Согласно концепции Уайта, раскрытие формальной связности различных событий и явлений в историческом сочинении достигается: объяснением посредством построения сюжета; объяснением посредством доказательства; объяснением посредством идеологического подтекста. Эти подходы проявляются в формировании системы аргументации: формистской, органицистской (целое как «микрокосм–макркосм»), механистической (сумма как «часть–часть») и контекстуалистской.

Из сказанного выше понятно, что в каждом из случаев число возможных объяснительных стратегий не бесконечно, не прямое восприятие реальности не означает полного произвола историка в ее «конструировании», что ставит под удар идею постмодернистов о произвольности описания истории. То, что историк не может оторваться от

аудитории, для которой он пишет, ограничивает его выбор. «Новая культурная история» формируется в точках роста «новой социальной истории» через преодоление известного содержания категории «социального».

Безусловно, человек, рожденный в определенной культуре, усваивает смысл и назначение знаков, которые обуславливают в ней коммуникацию людей. По мнению Ю. Лотмана, самосознание личности равно сумме текстов в потоке других текстов, составляющих мир культуры. В связи с тем что структурно-семиотические методы позволяют реконструировать тексты и ритуалы далекой древности, вновь укрепляется идея культурного многоголосия.

Действительно, герменевтические вопросы возникают там, где зарождается желание отдавать себе отчет в понимании слова как знака сообщения. Христианский философ Августин сформулировал принцип конгенности, входящий в состав современных герменевтических методик. Далее в герменевтику вводятся принцип контекстуальной интерпретации; принцип герменевтического круга; принцип учета цели и замысла автора; принцип различения понимания и интерпретации, а также принцип диалога. Философский статус герменевтики получает в программе обоснования гуманитарных наук В. Дильтея, считавшего, что для наук о природе характерны номотетические приемы исследования, а науки о духе не могут существовать без интерпретационных методик. Понимание побуждается переживанием отдельных состояний сознания в сфере осознанной общности.

Изложение герменевтики М. Хайдеггером основано на определении понятия «жизнь» как той единицы, в которой представлена (истолкована, структурирована) однородность сознания и предмета. «Кто хочет понять текст, — комментирует его Х. Гадамер, — тот всегда делает предположение. Он предполагает смысл целого, который кажется ему первым смыслом в тексте. Так получается потому, что текст читают уже со значительным ожиданием определенного смысла» [2, с. 355].

Следует изучать «мир истории» прежде всего на основе внутреннего переживания, непосредственных данных сознания, являющихся условием общечеловеческой коммуникации, которая обеспечивает индивидуальному сознанию «подъем над собой к всеобщему». Препятствием к субъективному истолкованию истории является историчность человеческого сознания. Отметим,

что понимание является действенно-историческим решением.

Герменевтическую связь определяет сам язык, который говорит нами или через нас и должен быть понят как субстанция исторического процесса, определяющая собой направление развития (вопрос о смысле существования равен вопросу о смысле познанного). Интересна универсальная методология П. Рикера, в которой реконструкция текста как целого имеет характер круга, причем многозначность целого является дополнительным побудительным мотивом для герменевтических вопросов. Понимание всегда есть сопонимание, оно всегда связано с со-знанием и с со-общением.

Таким образом, задачей исторического познания какого-либо определенного текста становится построение его модели. Следует учесть, что модели автора текста, современников автора, интерпретатора и современников интерпретатора различны. Различие их основано на принципиально разном восприятии одного и того же текста, что формирует веер интерпретаций и даже мысль о случайности автора, т.к. все эти модели могут быть отнесены к одному тексту.

Идея направленности и смысла истории находит отражение в концепции К. Ясперса как линейная теория «осевого времени», становления некой общей для всего мира духовной философской основы — веры, сформировавшей тип современного человека. Иными словами, смысл истории заключается не в ее движении к некоторой цели, а в характере направленности логики общемирового развития.

Позиция М. Бахтина возвращает нас к проблеме диалогического движения понимания. Перенесение исследуемого текста в настоящее время (возможно, даже его перевод на современный язык) является началом движения понимания, т.к. тексты всегда принадлежат прошлому. Содержание следующего этапа составляет движение назад — изучение данного произведения в прошлых контекстах. Заключительный этап характеризуется движением вперед, стремлением к «предвосхищению будущего контекста». Следовательно, понимание есть синтез многих интерпретаций на всех этапах, и полнота произведения раскрывается только в «большом времени». В целом понимание осуществляется посредством построения моделей (реконструкций), в которые могут быть включены как естественно-научные методы исследования и приемы объяснения, так и специфические гуманитарные приемы истолкования тек-

стов по цепочке «текст – ситуация непонимания – реконструкционная гипотеза – восполняющая интерпретация – теоретическая модель – понимание текста».

Если слово есть принцип культуры, то принципы анализа слова должны последовательно распространяться и на анализ культуры. Интерпретацию и понимание текстов обеспечивают особенные методологические средства: герменевтический круг, вопрос-ответные методики, контекстный метод, специальные логические средства, семиотические и психологические приемы. Следует учитывать, что понимание особым образом связано с интенциональностью, а введение понятия «субъективная реальность» дает возможность допустить, что оформленное содержание мышления и есть мысленные образования-концепты.

Если классическая логика отвлекалась от времени произнесения высказываний, то логика времени явным образом учитывает временные параметры, причем использует разные понимания сущности временных процессов и может исследовать разные типы высказываний с временными характеристиками. В истории последующее не выводится логически из предыдущего как частное из общего, поэтому общие понятия не могут выступать субъектами «исторических суждений». В своих построениях историк использует номологические и типологические обобщения и сохраняет особенность герменевтических рассуждений как тесную связь с иррациональными моментами (творчество), присущим гуманитарным явлениям.

История зависит от различных уровней понимания причинности, и на смену принципу историзма приходит принцип историчности, в соответствии с которым история есть способ существования всего сущего и прежде всего человека (человек — существо историческое). Стремление постичь «план» истории, ее «замысел», «идею» в сфере трансцендентного уступает место поискам смысла истории в сфере «имманентного», т.е. внутри самой историчной по существу человеческой деятельности с присущей ей способностью к порождению новых смыслов. Историк — человек и поэтому не может не быть субъективным.

Проверить историка можно эпистемологически, по мнению П. Рикера, «объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено... мы ждем от истории, что она найдет доступ к прошлому человеческих обществ, обладающему таким достоинством объективности... существует столько уровней объективности,

сколько существует методических подходов. Стало быть, мы ожидаем, что история прибавит новую область к меняющей свои границы империи объективности» [5, с. 35–36].

Если философия истории стремится к познанию мирового целого, то ее предмет — ценность, погруженная в действительность. Объективируя человека, мы сводим его к объекту, в то время как он не просто звено причинно-следственной связи; субъективируя человека, мы задумываемся над соприкосновением психического бытия с ценностями. Иными словами, именно установление границ науки освобождает место философии, а теперь и философии истории.

Механизмы формирования опыта, задающие характер ориентации в мире, предваряются понятиями-ценностями. Опыт мира складывается из «опыта жизни», «опыта истории», «опыта искусства». В отличие от эпохи Просвещения для современной философии процесс исторического познания включает такие шаги: предпонимание (начальный уровень), предрассудок (форма знакомства с миром), историчность (то, как дана форма бытия мира и мышления), ситуация (в которой себя застаёт человек, внеисторичность субъекта — иллюзия). Следующий шаг — осознание того, что истина не является характеристикой познания, она — характеристика самого бытия. И вместе с тем истина «свершается» преимущественно в событиях искусства, осмысление которых есть «опыт традиции», представляющий собой самоосмысление индивида и общества. Мы можем утверждать, что понимание становится возможным как «применение», соотнесение содержания текста и факта с культурным и мыслительным опытом современности.

Таким образом, истина не имеет свидетельства о рождении, она приемлема пока не появится новая истина. Время не пропасть, а возможность припоминания. Сохранение прошлого — такой же акт свободы, как и выступление против него. Данный подход дает нам возможность иначе интерпретировать опыт (по сравнению с философией Нового времени и позитивистской трактовкой). Первая составляющая — наши ожидания. Вторая — «опыт делающего», включающий «опыт ошибок». Подлинный опыт всегда негативен, а не универсален. Отрицание придает нашему опыту определенность, и он приобретает диалектические черты: опытность — завершающий себя скептицизм, т.е. человек не убеждается дважды в одном и том же. Став опытными, мы обретаем новый горизонт: опытный человек адогматичен. И, наконец,

третья составляющая опыта — осознание собственной ограниченности (учимся благодаря страданию, осознавая пределы человеческого бытия, приобретая трагический опыт, часто религиозный). Обобщающим подлинным опытом становится опыт собственной историчности. Убежденность иллюзорна, мы начинаем понимать, что ничто не повторяется, не впадая в пессимизм.

Интерпретация-понимание является ретроспективным воспроизведением генезиса смысла, т.е. переосмыслением послания, и трактует личность как орган истины или «сущностное окно в бытие». Приобретает подтверждение идея о существовании нерелятивистского плюралистического понимания истины, а значит и истории. Только диалог удерживает единство истории через синтез трех начал.

Первое начало представляет собой историческую условность или «дух времени» (исторические вызовы). Второе начало дано как спекулятивная ценность философии. Третье — личностное — как ответственность автора. Конфилософия и есть современная философия как ценность. Таким образом, нет многих истин, но есть истина других. Истина одна, а философий много. История одна, но много философий истории. Если истина излучает смыслы, то каждый выбирает свой вариант солидарности истины и личности.

С одной стороны, новый кризис философии сместил идею истины и, как следствие, опроверг существование философии, управляющей всеми видами знания, вследствие этого возникают «специфические логики в разных витальных секторах», встреча несхожих культур становится все более обыденной. Становятся понятными парадоксальные слова Ф. Ницше о том, что нынешнему сознанию более адекватно «мычание». Очевидность теперь не является знаком истины, а правдоподобие может выглядеть как клише.

С другой стороны, в этом контексте начинают кристаллизоваться герменевтические предпосылки мышления, для которого существовать означает быть в контакте с миром. Так как язык историчен, то мы понимаем, что лингвистический горизонт не является априорной структурой разума, он — ансамбль исторически узнаваемых событий. Категории, понятия, теории проявляют качество эпохи, пусть временное и нестабильное. Смысл истории, судьбы человечества, сентенции о природе человека метафизически исчерпаем. Человек видит мир и пытается его осмыслить через понимание множественности перспектив и культур-

ных универсумов, что делает априори возможными и опыт, и наследие.

Возникают две опоры слабого, но понимающего свой недуг мышления: идея человека, читающего мир и идея исторически меняющегося категориального аппарата. Таким образом, утверждение, что всеобщего смысла истории и абсолютной истины не существует, означает конец стабильной структуры бытия. В ситуации «конца истории» как определенности по поводу человеческой истории и законов, ею управляющих, получают признание истории разные по уровню и моделям реконструкции прошлого в коллективном сознании и воображении. Образ рациональности меняется, так называемое движение в «теневую сторону» означает рождение нового через внимательное отношение к прошлому и настоящему, высвобождение все новых участков пространства для свободной инициативы, терпимости, диалога культур.

Подводя общие итоги, подчеркнем, что черты «новой научности» истории включают способность научных теорий решать проблемы, допускают множественность частных образов научности, смягчают ригоризм в отношении независимости науки от социокультурных ценностей. История как прошлое сегодня может изучаться различными дисциплинами, быть объектом литературы и искусства, да и самих «историй» может быть бесчисленное множество. Критерием профессионализма является не знание некоей универсальной объективной истины, а владение методом и соблюдение основных принципов исторического исследования.

Объективность научного подхода к историческим фактам достигается специально организованным исследовательским процессом. Он предполагает всесторонний охват изучаемого явления с целью раскрытия его сущности и описания многообразия взаимосвязей с историческим миром, опору на достигнутый уровень научного знания с учетом выдвинутых по данной проблеме точек зрения, творческий подход к историческому исследованию. Следовательно, проверка историка на «хорошую» субъективность осуществляется по принципу соответствия применяемых им приемов и методов требованиям научной программы, в рамках которой он осуществляет исследование.

Список литературы

1. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 4. 674 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс,

1988. 704 с.
3. *Далин В.М.* Историки Франции XIX–XX веков. М.: Наука, 1981. 328 с.
4. *Поппер К.* Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовского и В.К. Финна; пер. с англ. Д.Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 464 с.
5. *Рикер П.* История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
-

ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL MODELS OF THE PHILOSOPHY OF
HISTORY: FROM THE PAST TO THE FUTURE

Fatima N. Nagoy

*Volgograd branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 8,
Gagarin str., Volgograd, 400131, Russia*

Beginning with French Enlightenment the development of the philosophy of history creates dialectic interrelationship between the historicism as a way of thinking (ontological aspect) and the historicism as a principle of learning (gnoseological aspect) and it forms the paradigm of history as an integrated pattern for long periods. Modern vision of history joins as perspective so as retrospective approaches, intentional and critical view of history, including the idea of historic time reversibility. Along with traditional understanding of history we can observe the development of nonrelativistic pluralistic and dialogic philosophy of history.

Key words: philosophy of history; the ontological model; gnoseological model; intentionality; a critical history; hermeneutics; structuralist approach; pluralistic truth; axiology.